

Наши господа критики до сих пор обращали слишком мало внимания на любопытные, а иногда довольно важные статьи, которые нередко попадают в различных периодических изданиях. Передо мною 7 первых номеров «Сына отечества», одна книжка «Вестника Европы», одна «Сибирского вестника» и по две книжки «Духа журналов» и «Благонамеренного»; в них много такого, что должно бы обратить на себя внимание всякого любителя словесности. Как, например, не удивляться, как не досадовать, когда какой-то малороссиянин на стр. 95 говорит нам о плавных стихах — кого же? Жуковского. Неужель господин В. К. в одном из превосходнейших стихотворений корифея русских поэтов нашего поколения находил одну только плавность? ¹ Вот как 1820 года хвалят и ценят творения гения, которые бы должны быть предметом народной гордости и сладострастием душ высоких и чувствительных.

Но оставим все это и разберем несколько примечательных стихотворений, отпечатанных в «Сыне отечества» 1820 года.

В первом номере «Песнь о первом сражении русских с татарами на реке Калке под предводительством князя Галицкого Мстислава Мстиславовича Храброго». Сочинение г-на Катенина ².

Если б я был из числа записных неприятелей поэта, я бы мог сказать, что в самом заглавии есть уже погрешность в расположении слов: под предводительством и проч. по близости относится к словам: с татарами; итак, князь Галицкий был предводителем татар! Но придирайтесь к таким безделицам прилично вам,

Обильные творцы бесплодных примечаний,
Уставщики кавык, всех строчных препинаний.

«Господин Катенин имеет истинный талант! — сказал он, когда в первый раз прочел его Софокла ³, — как жаль, что

в сочинениях его недостает вкуса, что он не имеет друзей, которые говорили бы ему правду,— или как жаль, что он не верит их советам!» В сем мнении меня еще более подтверждает его новое произведение. Начало превосходно, достойно лучших наших писателей! Я не могу отказать себе в удовольствии переписать его:

Не белые лебеди
Стрелами охотников
Рассыпаны в стороны,
Стремглав по поднебесью,
Испуганы, мечутся,
Не по морю синему
При громе и молниях
Ладьи белокрылые
На камни подводные
Волнами наносятся.
Среди поля чистого
Бежит православная
Рать русская храбрая
От силы несчетные
Татар победителей.
Как ток реки,
Как холмов цепь,
Врагов полки
Покрыли степь.
От тучи стрел
Затмился свет;
Сквозь груды тел
Прохода нет.
Их пращи дождь
Мечи огонь,

Не может взгляд
Окинуть всех.
На тьмы татар
Бойцы легли,
И крови пар
Встает с земли.

Стихи не Жуковского, не Батюшкова,— но стихи, которые бы принесли честь и тому и другому. Приведем еще два, которые показывают талант Катенина:

Решето стал щит [к несчастью] дебелий.
Меч зубчатая пила!

После таких стихов мы читаем:

*Не понаведаться ль,
Здоров ли верный меч?
Уж не устал ли он
Главы поганых сечь?
Не уморился ли
Так долго кровью течь?
Коли в нем проку нет,
Так не на что беречь;
Свались на прах за ним
И голова со плеч!
Нет срама мертвому,
Кто смог костями лечь.*

Читатель, может быть, не поверит, что сие и прежнее писано одним и тем же поэтом, что оно находится в одном и том же стихотворении:

«*Меч уморился кровью течь*», — что это значит? Или меч может быть ранен? «*Коли в нем проку нет, так не на что беречь*». Я, кажется, слышу не князя Мстислава, но самого низкого простолюдина. «*Нет срама мертвому, кто смог костями лечь*». Мысль превосходная, но не г-на Катенина: ⁴ как же она выражена? Но что Катенин имеет истинный талант, видно даже из дурных приведенных здесь стихов; и в них есть два стиха — жестких, конечно, — но превосходных по силе и по чувству.

*Свались на прах за ним
И голова со плеч!*

Следует ещё прекрасное место:

*И три раза, вспыхнув желанием славы,
С земли он, опершись на руки кровавы,
Вставал.*

Оно сильно, живописно, ужасно! Самый размер заслуживает внимание по удивительному искусству, с которым он приноровлен к мыслям. И непосредственно после таких стихов мы читаем:

*И трижды, истекши рудою обильной,
[истекши рудою!]
Тяжелые латы подвигнуть бессильной,
Упал.*

Читаем:

*Или звери
Плотоядны
Кровь полижут
Честных ран?*

Какое положительное безвкусие! Далее мы видим, что князь Даниил прикрикнул на детей.

Мы бы могли выписать еще много мест, которые доказывают наше мнение, что г-н Катенин к своему истинному дарованию не присоединяет вкуса. Но мы лучше приведем отрывок, в котором поэт, живописав дикими красками Данта, исполнил нас ужаса, а потом, когда мы хотели рассмотреть его хладнокровнее, оставил в недоумении, удивляться ли ему или,— но пусть читатель сам посудит:

Вздохи тяжелые грудь воздымают;
Пот, с кровью смешанный, каплет с главы;
Жаждой и прахом уста засыхают; [превосходно!]
На ноги сил нет подняться с травы.
Издали внемлет он ратному шуму:
Стелют, молотят снопы там из глав.

В стихотворении Катенина мы находим сочетание нескольких родов размеров: новизна на русском языке, о которой осмелимся здесь предложить наше мнение.

Не говоря о силлабическом размере, который когда-то употреблялся в нашей поэзии, но по справедливости оставлен, у нас могут существовать размеры трех родов: 1-е— размер наших народных песен и сказок, коего теорию так хорошо и ясно изложил г-н Востоков в своем «Опыте о русском стихосложении»⁵, 2-е— размер, заимствованный Ломоносовым у немцев, основанный на ударении слов или на стопах и на том созвучии в конце стихов, который мы привыкли называть рифмою; 3-е — сей же размер, но без рифм, подражание количественному размеру древних.

Каждый из сих трех размеров имеет, можно сказать, особенный слог, слог такого рода поэзии, коему он принадлежал первоначально. Смешивать сии три слога почти все равно, что говорить — по примеру наших бывших модников — лепетом, составленным из слов русских и французских, а сверх того вмешивать выражения греческие и латинские. Употребление же различных размеров одного и того же рода не только позволительно, но, как нам кажется, должно послужить к обогащению языка и словесности.

Господин Катенин, к сожалению, соединил все три рода возможных стихосложений; не оттого ли произошли шаткость и пестрота его слога?

Впрочем, публика и поэты должны быть благодарны г-ну Катенину за единственную, хотя еще и несовершенную в своем роде попытку сблизить наше нерусское

стихотворство с богатою поэзиею русских народных песен, сказок и преданий — с поэзиею русских нравов и обычаев.

В третьем номере стихотворения: «К моей родине» г-на Плетнева и «Два певца» какого-то К. О сем последнем мы не скажем ни слова; оно очень посредственно. Г-н Плетнев долгое время был слишком близким подражателем Батюшкова и Жуковского; но в его последних двух стихотворениях (в элегии, о которой здесь говорим, и в другой, отпечатанной в «Соревнователе», 12 книжке 1819 года, под названием «Победа») мы с удовольствием заметили усилие, верную поруку за дарование, усилие выйти из толпы подражателей. Кто желает в этом увериться, пусть сравнит прежние стихотворения г-на Плетнева с его последними. Мы приведем здесь несколько стихов, по которым читатель нашего «Зрителя» может без сравнения составить себе понятие о степени и роде поэтического таланта г-на Плетнева.

Забуду в песнях я тебя, родимый край,
О колыбель младенчества золотая,
Немой моей мечты прибежище и рай, [прекрасно!]
Страна безвестная, но мне драгая;
Тебя, пустынное село в глухих лесах,
Где, с жизнью обнявшись молодою, [превосходно!]
Я в первый раз смотрел, что светит в небесах,
Что веет так над зыбкою водою?

Могилы вкруг него [вкруг храма], обросшие травой,
Не ровными лежащие рядами,
Куда ребенком я ходил искать весной
Могилу ту, меж серыми крестами, [оборот прозаический]
Где мой лежит отец... младенца своего,
Меня лишь на заре моей лобзавший;
Где с тайным трепетом я призывал его
И милой тени ждал, ее не знавший?
Забуду ль вас, о мирные луга,

Вас, низки хижины, к потоку с двух холмов,
Лицом к лицу неправильно сходящи [ново],
И зыбкий ветхий мост, и клади меж берегов,
И темный лес, кругом села шумящий?

Г-н Плетнев только должен обратить большее внимание на точность и стихотворность выражений и оборотов, должен приучить себя писать со тщанием, и мы уверены, что он со временем принесет честь русской словесности. Как, напри-

мер, неприятно между хорошими его стихами читать следующее:

Прикрытые [луга] со всех сторон елями,
И обращенные под нивы берега,
И вас, поля, усеяны камнями;

Или:

Забуду ли тебя, о Теблежский ручей,
Катящийся в брегах своих пологих
И призывающий к себе струей своей
В жары стада *вдруз с двух полей отложих.*

В четвертом номере превосходные два стихотворения, одно («Послание к Т...» с подписью: Варшава; ⁶ другое («Отчет Фон-Визина») вовсе без подписи. Мы можем поручиться читателю, что оба стихотворения одного и того же поэта; мы бы его назвали, но он сам того не сделал. Впрочем, что нужды: назовем Жуковского, назовем Батюшкова, и каждый произнесет имя поэта. Загадки всякого рода ныне очень в моде: мы надеемся, что наша столь же легка, как известная французская: *Je me nomme chapeau; on me met sur la tête: Divine grosse bête!**

Мы не выписываем ни одного стиха из сих превосходных двух пьес, чтоб не прийти в искушение выписать их от начала до конца: а за это рассердится «Сын отечества».

Между прозаическими статьями первых пяти книжек «Сына отечества» первое место занимают: «Путешествие вокруг света» флота капитана Головнина и «Письмо о русском синтаксисе». Когда мы услышали, что в «Сыне отечества» будут появляться время от времени описания пера г-на Головнина, мы обрадовались и приготовились читать статьи занимательные, написанные без всех пустых украшений, восторгов и восклицаний,— мы не ошиблись.

Письмо г-на Кошанского содержит в себе много нового, смелого и вместе справедливого: но, впрочем, нам кажется, он не довольно ясно доказал, что глаголы: *требовать, помогать, управлять, рассуждать*,— суть глаголы действительные. Наше мнение, что те только глаголы могут называться действительными, которые имеют *настоящее действительное причастие* и в то же время управляют падежами или винительным, или родительным. *Требуемый, я*

* Меня называют шляпою; меня надевают на голову: святая простота! (франц.)

Эту загадку один мой знакомый перевел следующим образом:

Меня ты с головы пред Клитом не снимай;
Я шляпою зовусь: Пьянюшкин, отгадай.

требуем, можно сказать; но помогаемый, я помогаем, рассуждаемый, я рассуждаем будет против языка и против логики. Единственное исключение из сего правила составляют действительные глаголы: *есть* и *пить* и, кажется, именно потому, что никто еще о себе не успел сказать: *меня едят, меня пьют!*

Что же касается до споров за худых актеров французских и русских, которыми с некоторого времени изобилует «Сын отечества», они и смешны и скучны⁷. Нас несравненно более заняло описание подвигов волка, который было вздумал объявить войну нам, петербургским жителям⁸. Впрочем, последняя статья сего рода в шестом номере «Сына отечества» заслуживает внимание за то именно, что господин издатель согласился ее отпечатать. В ней находятся две выходки против самого его: благородное в сем случае беспристрастие г-на Греча заслуживает подражания.

Наконец, в седьмом номере мы с признательностью прочли весьма лестный отзыв господина издателя о нашем журнале: свидетельствуем ему нашу благодарность.

В первой книжке «Вестника Европы» мы прочли отрывок из третьей песни поучительной поэмы: «Искусства и науки» Воейкова.

Прежде чем скажем наше мнение о стихотворении, да будет нам позволено сказать два слова вообще о поэзии дидактической или поучительной. Многие ли читают превосходный «Опыт о человеке» («*Essay of man*»)⁹, превосходные речи в стихах Вольтера (*discours en vers*)? Кто известнее, чьи творения чаще переводят: эпика (рассказчика) Гомера или дидактика (учителя) Гезиода? Поучения всегда скучны и неприятны, особенно же, когда нам наперед, с обидною для нас важностию и высокопарностию педагога, говорят: «Слушайте! Я хочу учить вас!» Наставления — лекарства; публика — избалованный ребенок, который не считает себя больным, но большой охотник лакомиться. Если захотим заставить его принять лекарство — обманем его, скажем, что принесли ему гостинец от Аполлона, балладу, песнь, драму, — и он без подозрения проглотит поучение! Это, впрочем, и не ново: «Муза-рион» Виланда при первом взгляде — легкая, забавная сказка, а между тем не что иное, как полный курс сократической философии; «Нафан» Лессинга для обыкновенного читателя просто драма, в которой представлена мудрость и великодушие иудейского старца, а для человека мысля-

щего и чувствительного «Нафан» — полная теория всех доказательств необходимости и прелести истинной, христианской терпимости. Шиллерова «Прогулка» («Spaziergang») для некоторых превосходное описание прогулки, для других святой, вдохновенный урок, взятый из биографии человечества, данный всем временем и народам: будьте умерены, будьте близки к природе!

Поэма г-на Воейкова в сем отношении не имеет никакого сходства с творениями, о коих мы упомянули: она принадлежит к одному разряду с поэмою Лукреция, с поэмою о религии младшего Расина¹⁰, с посланием Ломоносова о пользе стекла. Рассмотрим стихи:

Нам любопытство, ум и волю дал творец,
Который сотворил людей на тот конец,
Чтобы к духовному стремились совершенству.
Мы сими свойствами владеем по наследству,
И искра божества пылает не вотще!

Какая проза без жизни гармонии! Далее: мы находим, что *душа завернута в густой и темной оболочке, как цвет, до времени себя таящий в почке*, это стихи не Сумарокова! Но если бы весь отрывок был написан таким образом, мы и не осмелились бы, говоря о нем, скучать нашему читателю: вот место, которое показывает поэта:

Единый человек умеет улучшать,
Разнообразить все и все преобразать;
От самого себя умеет отделяться
И наблюдать себя; прекрасным наслаждаться,
К добру и истине в душе благоговеть;
В прошедшем обитать, грядущим овладеть,
К нам настоящее приковывать мгновенье
И размышлением умножить наслажденье;
На пользу опытность и случай обращать
И опыты свои векам передавать.

Слог г-на Воейкова вообще чрезвычайно неровен: иногда превосходит по силе и смелости выражений, оборотов, иногда ниже посредственного по прозаизмам, впрочем, нередко неизбежным в дидактическом роде, по грубости и шероховатости звуков и небрежного стихосложения.

Что касается до прозы первой книжки «Вестника Европы», мы можем сказать, что с любопытством, но не с удовольствием прочли мы перевод из путешествия Иосифа Сенковского¹¹.

Мысли, которые в начале 1820 года заступили места переводных повестей, помещаемых обыкновенно «Вестника Европы» в прозе под статью «Изящная словесность», от-

части новы, хороши, остроумны; отчасти же стары, обыкновенны и даже вовсе несправедливы, например:

Хорошего человека скоро узнать можно,
дурного — никогда.

Мы счастливы — только лишь счастьем других.
Кто способен ненавидеть, тот не может любить.

Впрочем, мы должны отдать справедливость г-ну Нечасву; его мысли не принадлежат к числу тех мыслей без мыслей, которые иногда попадают под названием: мысли, замечания и характеры и т. п.

«Сибирский вестник» — издание которое во всех отношениях должно быть для всякого русского важно и занимательно, — выходит ныне уже третий год; искренно желаем ему дальнейшего успеха и долговечности. Мы уверены, что «Сибирский вестник» для ума здоровая и сочная пища, а для памяти богатый источник положительных сведений, без коих, по нашему мнению, не можно иметь никакого права на название человека образованного и просвещенного; первая книжка «Сибирского вестника» содержит следующие статьи: 1. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в киргизскую степь в 1816 году. 2. Взгляд на северную Сибирь. 3. Киргиз-Кайсаки большой, средней и малой Орды. 4. Сравнение замерзания и вскрытия рек Невы и Оби. Чрезвычайно жалеем, что пределы нашего издания не позволяют нам разобрать подробно одно или несколько из сих описаний. Здесь только следует начало второй статьи, чтобы представить читателю хотя что-нибудь в пример слога «Сибирского вестника». «Природа везде прекрасна; она прекрасна и в самых ужасах своих. Обратите взор на северный край Сибири, вообще почитаемый гробом жизни: где земля в оковах вечного холода; растения лишены цвета и органической силы и где человек, в отношении к нравственному бытию и удобствам общественной жизни, остается в первоначальном младенческом состоянии, — вы увидите, что и там природа имеет свои красоты — человек свои удовольствия».

«С каким удивлением встретите вы, в известную четверть года, непрерывный день под полярным кругом и солнце вместо захождения, переменяющее только свой образ и сияние? Или ночь, освещаемую луною и блеском воздушных явлений, изображающих на снежных коврах лимы разноцветную игру преломляющихся лучей. Какая кисть представит то тусклое, то яркое блистание северных

сияний *, которые в неподражаемых видах живописуют северный небосклон или дугообразными протяжениями, или быстродвижущимися столпами, часто сопровождаемыми шумом и свистом в беспредельности воздуха, и которые освещают мрачное царство долговременной зимней ночи?»

«Дух журналов» или собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, законодательства, правосудия, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч. «Дух журналов» — хорошее издание, в состав коего особенно входят науки политические и исторические. Сей вестник отличается благородным беспристрастием и важностию статей дельных и полезных.

«Благонамеренный» журнал, издаваемый А. Измайловым с эпиграфом:

On fait ce qu'on peut
Et non pas ce qu'on veut **, —

не значит: взявшись за гуж, не говори, что не дюж. Но, впрочем, господин издатель напрасно обижает самого себя, у него даже помещены стихотворения таких родов, каких еще не было в *российском стихотворстве*, а именно: омонимы, что значит тождесловы, или соименники, и поэтические анекдоты (иначе не умеем назвать сего рода, который, вероятно, также найдет многих себе подражателей), поэтические анекдоты о пьяницах ***.

Кроме того, у господина издателя много корреспондентов, путешествующих в иностранных землях и сообщающих ему *весьма интересные* газетные новости.

Во втором номере «Благонамеренного» несколько стихотворений хотя и не в новом роде, но с подписью «Варшава» ¹². Чтобы не показаться в глазах наших читателей

* (Не лучше ли: блистание северных сияний то тусклое, то яркое — чтобы избегнуть двусмыслия?)

** Делай, что можешь, а не то, что хочешь (*франц.*). — *Ред.*

*** Чтобы распространить круг литературных сведений наших читателей, мы считаем приятною для себя обязанностью поместить здесь сие стихотворение, по скромности названное сказкою:

Филат жене своей с похмелья побожился,
Что пуншу в рот он не возьмет;
Посмотришь — ввечеру чуть жив домой идет.
«Бессовестный! опять напился!

Где был?»

— У свата Емельяна.

«Пунш пил?»

— Нет!.. водки выпил три стакана.

слепыми панегириками «Благонамеренного», мы скажем искренно, что стихотворение «Трудная задача» кажется нам достоинством во многом ниже прочих с тою же подписью.

«Послание к Е. А. Б...вой» — легкая, прелестная безделица, напоминающая нам хорошие французские послания в сем роде. Вот место, которое нас пленило своим dulce et facetum: *

И признаюсь, я часто в восхищеньи
Вас представлял читающих тайком
Мои стихи в безмолвном умиленьи,
И жадно ждал, когда своим певцом
Счастливого меня вы назовете.

В заключение приведем еще четверостишие, подписанное: «Томск».

Мудрец! на свете сем, меж глупыми и злыми,
Чем занят ты, я знать хочу!
— В большой больнице сей я слезы лью с больными,
А с дураками хохочу!

〈ПРОДОЛЖЕНИЕ〉

С удовольствием извещаем наших читателей о выходе в свет первой части сочинений г-жи Буниной. Стихотворения ее заслуживают во многих отношениях внимание публики: г-жа Бунина — женщина-поэт, явление редкое в нашем отечестве, и сверх того поэт с дарованием, поэт-неподражатель. Подробный разбор лучших ее стихотворений принес бы словесности, по нашему мнению, истинную, существенную пользу: жалеем, что пределы нашего издания не позволяют долго останавливаться на одном предмете.

Первая часть сочинений г-жи Буниной содержит стихотворения лирические. Более прочих подействовали на нас следующие: «Майская прогулка болящей», «Упрек другу», «Весна», «Юному Полуксу», «На разлуку», «Отречение».

Противоположность, которою уже Жуковский так счастливо воспользовался в своем «Громобое», противоположность цветущей, прелестной природы и растерзанного сердца человеческого употреблена с большим искусством. В «Прогулке» г-жи Буниной стихи то мрачные и ужасные, то трогательные, живописные и задумчивые переменяются в сем прелестном произведении, стесняют душу, исполня-

* приятным и забавным (лат.). Ред.

ют ее жалости и содрогания и противу воли извлекают слезы. Что же касается до слога, он не есть слог новейшей поэзии, очищенной трудами Дмитриева, Жуковского, Батюшкова, г-жа Бунина шла своим путем и образовала свой талант, не пользуясь творениями других талантов.

*Ах, в душе моей гнездится;
Этна соохшу грудь палит; [иссохшая, а не ссохшая
грудь]*

*Жадный змий, вясь вкруг сердца,
Кровь кипущую сосет.
Тщетно слабыми перстами
Рву чудовище... нет сил!
Яд его протек по жилам:
Боже мира! запрети!
Где целенье изнемогшей?
Где отрада? — где покой?
Нет, не льсти себя мечтою:
Ток целения иссяк.
Капли нет одной прохладной,
Тоши оросить уста! [«тощие уста» нельзя сказать]
В огонь дыханье превратилось;
В острую стрелу каждый вздох;
Все глубоки вскрылись язвы, —
Боль их ум во мне мрачит.
Где ты, смерть? — Изнемогаю...
Дом, как тартар, стал постыл!*

*Мне ль ты, солнце, улыбнулось?
Мне ль сулишь отраду, май!
Травка! для меня ль ты стелешь
Благовонный свой ковер?
Может быть, мне там и лучше...
Побежим под сень древес.*

*Но в груди огонь не гаснет,
Сердце тот же змий сосет;
Тот же яд течет по жилам:
Ад мой там — где я ступлю.
Нет врача омыть мне раны:
Нет руки стереть слезы;
Нет устен для утешенья,
Персей нет — прикинуть где;
Все странятся, — убегают:
Я одна... О, горе мне!*

Несмотря на некоторые неровности, — какая сильная, живая поэзия! Здесь не мечтательное несчастье унылого

юноши, который в существенном мире не нашел того, что может дышать в одном мире фантазии, здесь говорит несчастье истинное голосом боли, голосом отчаяния. Далее к страдальце подходит нищий старец,

Ветер волосы его взвевает,
Белые, как первый снег!
По его ланитам впалым,
Из померкнувших очей,
Через глубокие морщины
Токи слезные текут;

Он получает от нее подаяние и восклицает:

Боже щедрый! благодатный!

Ниспошли ей свою благодать,
Все мольбы ее внемли!
Старец! ты хулы *изрыгнул!*
Трепещи! ударит гром!..

Бог отверг меня, несчастну!
Око *совратил с меня*, [отвратил от меня]
Не щедроты и не благодать, —
Тяготееет зло на мне.

[Щедроты и благодать не могут тяготеть.]

Тщетно веете, зефиры!
Тщетно соловей поет!
Тщетно с запада золотого,
Солнце, мещешь кроткий луч
И, Петрополь позлащая,
Всю природу веселишь!
Чужды для меня веселья!
Не делю я с вами их!
Солнце *не ко мне сият*, [не для меня]
Я не дочь природы сей.

Свежий ветер с Невы вдруг дунул:
Побежим! он прохладит.
Дай мне челн, угрюмый кормчий!
К ветрам в лик свой путь направь.
Воды! хлыньте дружно с моря!
Вздуйтесь, синие бугры!
Зыбь на зыби *налегая*,
Захлестни отважный челн!
Прохлади мне грудь иссохшу,
Жгучий огонь ее залей.
Туча! упади громами!
Хлябь! разверзись, — поглоти...

Но все тихо — все покойно, —
Ветр на ветвях уснул;
Море гладко, как зеркало;
Чуть рябят в Неве струи;

Нет на небе туч свирепых;
Облак легких даже нет,
И по синей, чистой тверди
Месяц с важностью течет.

Если бы все стихотворения Анны Петровны Буниной в достоинстве равнялись с приведенным здесь, она, без сомнения, занимала бы одно из первых мест между русскими, истинными поэтами, хотя и в «Прогулке» много необделанного, шероховатого, а изредка ненужные с первого взгляда повторения; впрочем, сии повторения имели, может быть, целью живее представить состояние больной, которая беспрестанно вспоминает свое ужасное состояние и естественным образом говорит о нем в одних и тех же выражениях, и в таком случае стихи:

Яд его протек по жилам,
Капли нет одной прохладной
Тощи оросить уста.
В огонь дыханье превратилось.

Потом:

Свежий ветер с Невы вдруг дунул:
Побежим! он прохладит.

И:

Захлестни отважный челн!
Прохлади мне грудь иссохшу,
Жгучий огонь ее залей.

И, может быть, еще некоторые другие, выражающие одну и ту же мысль, или оттенки одной и той же мысли, не только не лишни, но даже необходимы. Конец всего стихотворения заставляет задуматься; он как будто удаляется от главного предмета и живописует ясную, никогда не страдающую вселенную, в которой столько страдальцев и столь мало утешителей.

Стихотворение «Упрек другу» изображает резко и с чувством всю горесть, которую должно ощутить доброе сердце при неожиданном предательстве друзей мнимых, но тем не менее ему драгоценных. Сравнение с плователем, настигнутым бурей у самой пристани, когда он

Глядит к безоблачной лазури,
Предвидя странствию конец, —

превосходно, но не везде равно хорошо выражено. Вот несколько стихов для примера. Пловец говорит:

Давно ль доверчивые взоры
 Вперял я в светлы небеса,
 И их безоблачна краса
 Сулила радости *мне скоры!*
 Увы! не грома ждал,
 Когда их созерцал!
 Пловец, днесь жалобам не время!
 Таков несчастных всех удел!
 Двойное шлет им промысл бремя
 И двое изощряет стрел.
 У недругов едины в воле [во власти]
 Другие, к сокращенью дней,
 Летят к нам от друзей
 И сердце поражают боле!

Живое, но более мрачное воображение составляет отличительное достоинство хороших стихотворений г-жи Бунинной. В одном из них мы находим после богатого описания весны, после стиха превосходного по простоте и чувству:

О, сколь обилен мир красую! —

ужасное изображение злодея, который не может и не достоин восхищаться прелестями природы:

Чей мрачный вид — чьи грозны очи
 В душе сокрытой кажут ад?
 Как тать, таится под скалами!
 Власы его свились с кустами;
 Чело покрыл смертельный хлад.

То узник воли самонравной,
 Что самый рок осилить мнил;
 Но, в бой вступая с ним неравной,
 Сильнейшей воле уступил.
 Не столь бросаем челн волнами,
Как много он борим страстями!
 От ярости в нем глас дрожит;
 Как уголь ражженный, блещут взоры;
 Как вихри, мчатся мысли скоры,
 И каждая *друг друга* тмит.

Он чужд всего, не зрит — не внемлет;
 Лишь рок *продерзостно* клянет.
 Скорбь мысли ум его объемлет;
 Грудь скрытый пламень жжет.
 Как Этна лаву извергает,
 «Почто — почто, — он говорит, —
 Сей стройной чин природы
 Текущи не глотают годы!
 Почто сей *лепый* мир стоит!

Почто не упаду светила!
Увы! луч солнца не погас,
И вечна ночь земли не скрыла».

Героида к «Юному Полуксу» отличается от всех прочих произведений г-жи Буниной обработанностью и точностью слога, но, впрочем, в ней не менее силы и живости, нежели в стихотворениях, о коих мы говорили. Сими красотами тем больше наслаждаемся, что они являются в полном свете, ибо не помрачены ошибками слога и погрешностями против языка. Мы приведем здесь из нее только две строфы; место не позволяет нам рассмотреть все достоинства сего прекрасного произведения.

Полукс! я не зову тебя!
Ужасен вид моей темницы:
Сюда и даже луч денницы
Не проникал согреть меня,
От холода стынет кровь! не верь! мой ум блуждает,
Увы! здесь пламя протекает,

Где я? чья видится мне тень?
Прелестна, с русыми власами,
Одета легкими парами,
Светла, как майский день, —
С улыбкой нежною мне руку простирает;

Следуют слова небесного посетителя. Превосходный вымысел! несчастную приходит утешать та,

Которая беды со мной делила
И ах! покой одна вкусила.

Отдав должную справедливость г-же Буниной, нам остается желать, чтобы при втором издании были исправлены, буде можно, недостатки, которые здесь были замечены.

Прибавление. Сказав наше мнение во втором номере «Невского зрителя» о некоторых периодических изданиях, выходящих в России, считаем обязанностью упомянуть здесь о журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Сей вестник соединяет статьи ученые со статьями просто литературными и именно этим счастливым слияни-

ем равно занимателен для читателей совершенно разных вкусов, совершенно разного образования. Что касается до нас, мы с большим любопытством читали описание четырех первых божеств Индии из «Опыта полного мифологического словаря» барона Корфа, сочинения, не вышедшего еще в свет; восхищались прелестною гораццианскою одою «К Лилете»; чувствовали истинное удовольствие при хорошей элегии г-на Плетнева «Неразделяемое наслаждение», и хотя противники шарад, загадок и тому подобного, радовались прекрасной шараде г-на Ф. Г.¹³

ВЗГЛЯД НА ТЕКУЩУЮ СЛОВЕСНОСТЬ

Впервые — «Невский зритель», 1820, № 2, ч. I, 106—126, и
(Продолжение) № 3, с. 78—89.

Имеется в виду статья В. К (аразина) «Еще отрывок из дневной записки украинца» («Сын отечества», 1820, № 2, ч. 59, с. 93 —

96). Выражение *плавные стихи* использовано в ней для характеристики перевода из книги XI «Метаморфоз» Овидия, напечатанного в «Известиях Российской академии» (1820, кн. 8) под заголовком «Цейкс и Гальциона. Отрывок из Овидиевых Превращений».

² Ср. разбор этого произведения А. А. Бестужевым (см. наст. изд., с. 31 и след.).

³ Имеется в виду стихотворение Катенина «Софокл» (публиковалось в «Вестнике Европы», 1818, № 14, и «Сыне отечества», 1818, № 34).

⁴ Кюхельбекер намекает на сходство цитированных стихов с известными словами Святослава («Повесть временных лет»): «...Не посралим Русской земли, но ляжем костями, мертвым не стыдно». (Перевод С. М. Соловьева.)

⁵ «Опыт о русском стихосложении» А. Х. Востокова впервые опубликовался в 1812 г., а в 1817-м вышел отдельным изданием.

⁶ Речь идет о стихотворении П. А. Вяземского «Послание к Тургеневу с пирогом».

⁷ Кюхельбекер говорит о затянувшейся полемике, материалы которой публиковались «Сыном отечества» в рубрике «Русский театр», в частности: Р. З(отов) «Замечания на замечания» (1820, № 4). N. N. «Ответ на замечания Г. Р. З.» (1820, № 5, с. 227—231). В. Кл-новъ. «Письмо к издателю» (1820, № 6, с. 269—278).

⁸ Имеется в виду происшествие в Петербурге 25 декабря 1819 г. Оно описано в «Сыне отечества» (1820, № 2, ч. 59, с. 91—92).

⁹ Философская поэма английского писателя А. Попа.

¹⁰ Луи Расин — французский писатель, автор поэмы «Религия» (1746), сын великого драматурга.

¹¹ Имеется в виду статья «Отрывок из Путешествия Иосифа Сенковского» («Вестник Европы», 1820, № 1, с. 19—33).

¹² Речь идет о стихах Вяземского «Устав столовый» (Подражание Пиндару), «Трудная задача», «Княжнин и Фон-Визин» и «Эпиграмма» («Стихов моих давно ты слышать хочешь...»).

¹³ Ф. Г. — псевдоним Ф. Н. Глинки.